



Бюро райкома

(Из дневника писателя)

«БЮРО РАЙКОМА» написано в 50-е годы, которые для Александра Яшина стали переломными в его творческой жизни. В 1958 году он так об этом пишет: «Для каждого настает время, когда после беззаботных лет, легкомыслия вдруг прозревает человек. Себя увидит ярко-ярко».

В эти годы меняется его писательская позиция. Об ответственности за прошлое он прямо сказал:

За все отвечать настала пора:
За то, что когда-то я промолчал,
За то, что кричал во весь рот ура,
А караул не кричал.

Годы своего прозрения писатель называет «переходным возрастом». Термин этот пришел из жизни: в семье подрастали дети, определялись характеры, открывался мир сложных «взрослых» вопросов. И совпало это с пересмотром отношения ко многим главам семьи. Даже пьеса была начата — «Переходный возраст». В 1959 году он пишет, что «главный герой пьесы отец семейства, у которого вдруг открылись глаза на все... Детей хочет воспитывать по-другому... Переходный возраст — это о том, как в человеке проснулась совесть». В другом месте дневника об этой же пьесе он записывает: «...а содержание все углубляется и расширяется. Сначала были метания одной девушки, рвущейся к справедливости, к правде, ненавидящей всякую фальшь в школе и дома, в отношениях к людям, к печати, а сейчас уже определилось, что у отца тоже переходный возраст — как прозрение после «страшных лет России».

В 1959 году он пишет стихотворение «Переходный возраст»:

Тревожно и грозно,
Тем боле, что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.

Строчки: «Туда ли плыву я? Так ли живу?» — вызваны горькими раздумьями о своем писательском пути. Собственно, в ту пору изменения в сознании многих людей связаны с XX съездом партии.

Тогда же, в 1950 году, был напечатан рассказ Яшина «Рычаги», за который он претерпел много — до конца своей жизни. А читатели спрашивали с восторгом: «Яшин — это автор «Рычагов»?» Рассказ не вошел даже в собрание сочинений писателя, вышедшее в 1985 году, как «не ставший достоянием советской литературы». Но времена опять изменились, и в 1987 году, через тридцать лет, как заново, он был напечатан в «Неделе» двухмиллионным тиражом с определением: «Жемчужина советской прозы, хрестоматийный рассказ «Рычаги». Он и сегодня не потерял своего значения, так как настоящий писатель всегда пророк и оттого в творчестве оказывается впереди своего времени. Тогда же несправедливая критика надолго выбила из колеи писателя и не дала осуществиться многим интереснейшим замыслам. И все-таки в то трудное время он работал.

Пятидесятые годы — новый период и для поэзии Александра Яшина. Раскаиваясь во многих прежних, как он сам их называл, «приказчицких стихах», он возвращается к духовному, внутреннему миру человека. В апреле 1958 года записывает: «Надо вести стихотворный дневник. Я когда-то пробовал это делать. Это и будет книга стихов». Так создавалась книга стихов «Совесть», о которой он писал в 1963 году: «Это плод моего запоздалого «переходного возраста», она выстрадана, а не сочинена». Стихи из нее, как и последующие — исповедального, покаянного характера, говорят об обновлении и очищении души самого автора. Некоторые из стихотворений, написанных в этот период, были напечатаны посмертно, но относятся они по времени к книге «Совесть». О многом говорят такие строфы:

Прости меня, поле, за неурожай, за пустоши.
Прости меня, моя родная земля.
Я рожден здесь для того, чтобы видеть
и обо всем рассказать другим,
а я долго на все закрывал глаза.

И все-таки писатель понимает, что всего накопившегося в стихах не выскажешь. Еще в 1956 году он писал: «Читал свои новые стихи последнего периода и опять почувствовал, что теряю время: надо переходить на прозу».

Критика критикой, а перелом в душе произошел, ничто не смогло задушить его. Творчество становится более глубоким, философским, но тема его остается в основном прежней. Во все времена он говорил о себе: «...а сельский материал мне как писателю все-таки роднее и ближе всего». В нем всегда жил крестьянин. Об этом он проникновенно сказал в рассказе «Угощаю рябиной»: «... жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам — и мне трудно. Хорошо у них идут дела — и мне легко живется и пишется... Всей кожей своей я чувствую и жду, когда освободится эта земля из-под снега, и мне не все равно, чем засеют ее в нынешнем году, и какой она даст урожай, и будут ли обеспечены на зиму коровы кормами, а люди хлебом...» О своей сельской родине другими словами Яшин писал: «Там все мои корни, все мои начала, там моя литературная судьба, мои герои». И с таким настроением, с такой жаждой помочь общему делу он решил перебраться на родину. В 1958 году он «приготовился переехать в Вологду на год (первый срок)». Договорился, что в Вологде ему дадут комнату. В январе он уже приехал в Вологду, а 1-го февраля ненадолго прилетел в Никольск, где и попадает на бюро райкома.

В эти годы проводилось много реформ в сельском хозяйстве. «Сельское хозяйство все время лихорадит», — записывает он. И вот заседание бюро райкома — следствие таких постановлений, нажимов. Тогда жизнь колхозчиков, работы на полях — все было в спорах и министерств, обкомов, райкомов, находившихся порой за десятки и тысячи километров. Сверху спускались планы, сроки посевов, уборки. Одна только кукуруза доводила северных жителей до отчаяния. Когда работали в основном «за палочки» — так назывались трудодни, почти не оплачиваемые. Время, когда Яшин с болью восклицает: «Плохо, когда правду называют крамолой».

«Бюро райкома» — это дневниковая проза. Написано мастерски, драматургично. К «Бюро райкома» примыкают рассказы «Директива» и «Чистые руки». Яшин готовился к большой работе, о которой он писал: «Повесть может строиться так. В обкоме подбирают секретаря РК для отстающего глубинного района, при этом не проявляют достаточной чуткости и выдержки, почти не убеждают человека, а приказывают ему. Дисциплина оборачивается нежелательной стороной. Приказ и все».

Потом секретарь обкома начинает сомневаться в правильности своего метода и жалеть, что он слишком резко поступил, убедить надо было, надо было считаться с желанием человека. Но снова заявил обратное, когда потребовалось: «Ну, либо вытяну район, либо шею себе сломаю». Вот этого последнего не должно бы быть в его настроении. Чересчур нажали.

Новый секретарь райкома в свою очередь начинает сразу жать на других людей. Тут насилие, демагогия, чрезмерные невыполнимые обещания и прочее — все пошло в ход.

Заседание бюро РК. Подбор председателей колхозов. В отстающий колхоз новый председатель едет без охоты. Изнасиловали.

Волнуется в последнюю ночь: с чего начать? Страх. Секретарь РК в последний момент все-таки наказывает ему: «Ты, главное, людей не обижай!»

Жизнь в колхозе. Председателя начинают спаивать водкой: «Вы уж не обижайте меня!» — говорит какая-нибудь вдова. И он пьет, чтобы не обидеть человека.

Ревность. Жена живет на старом месте. Это может быть применимо к председателю колхоза. Ревность вроде маши преследования.

Конец повести-трагедии завершается опять в обкоме. Круг завершился. Администрирование в подходе к людям пользы не дало. Секретаря райкома пришлось снимать за очковитариальство с картофелем.

Сколько бы он ни цитировал Ленина, а сам не дал возможности развернуться колхозной инициативе и погорел. Народ возмутился его методами руководства и возненавидел его».

Записи на рабочих карточках для этой же работы:

«В обкоме секретарь: «Мы слишком много командуем сельским хозяйством. Много командиров и, естественно, они должны кому-то давать команды»; «Собрание на-

чинается с того, что председатель говорит: «Мы решили посоветоваться с народом». Это о телках, о коровах, которые должны быть сданы колхозу, потому что колхозников обеспечит всем колхоз».

Причин же, почему большая серьезная вещь осталась в отдельных рассказах — много. Одну из них писатель так объяснял: «После «Алены Фоминной» я хотел написать еще несколько поэм, силы были, мечтал даже к 40 годам от рождения еще одну премию заработать, а ничего не смог написать. Не лень тому виной и не отсутствие способностей, конечно. Пробовал же я писать о поездке польских крестьян по Украине, и ничего не выходило».

Дело в том, что уже и тогда стал определяться и увеличиваться тот страшный разрыв между реальным и желаемым, из-за которого сейчас страдает вся советская литература...»

Тогда же было написано стихотворение «Показуха» или «Слезы из глаз». Со слезами в сердце поэт говорит о том, какими бы ему хотелось видеть колхозы и какими он не видел. А желание было одно — помочь своим литературным трудом народу, подать «сигнал», как он говорил: если бы «выступления писателей, знающих деревню, принимались как сигналы, многое плохое можно было бы остановить раньше». В 1963 году он писал: «Вспоминаю, до какого отрицания поэзии дошел я, прежде чем написать книжку стихов «Совесть» и всерьез взяться за прозу. Народ страдает, а мы стишки пишем — мне это казалось очень стыдным».

Кажется, все главное свершилось, пришло: ясное понимание содержания своей работы — «показухи» и здесь быть не должно... Но он понимает, что стал для редакций «опасным человеком». Конечно, дело не просто в редакторах-перестраховщиках. Как он может быть врагом того, чему так предан? Но обвиняют — и руки опускаются. Записи этой поры: «Опасный человек» — это тот, кто всюду во всем видит существо явлений, подлинные жизненные конфликты и правду истинную, а не фальшивую». «Опасный человек. Прямолинейный, честный, всюду сующий свой нос, не щадящий «даже начальников». Лучше держаться подальше от него». «Поэма об «Опасном человеке» или «Опасном характере» — это о человеке честном, сохранившем смелый и прямой взгляд на вещи, видящем во всем и всюду суть жизни, правду истинную, а не фальшивую, не принимающем лжи и всевозможных «потемкинских деревень».

Долго был Яшин таким «опасным человеком» в литературе. И после публикации «Вологодской свадьбы» (1962 г.) опять пришлось ему пережить кампанию несправедливых нападок. Все это частично объясняет причины, почему многие вещи он не успел закончить. В одном из стихотворений он писал: «Кровью сердца оплачены книги те, коих нет». И все-таки выстоял: «Главная тема жизни: человек должен стоять за правду, за честность, не робеть, не лукавить, не лебезить и не пасовать перед сильными мира сего, перед властью, если он знает, что прав».

Ложь во спасение — смерть для души. Власть лжи — самообман. Ложь и власть преходящи. Власть не может долго держаться на лжи, на демагогии, она в конце концов изживает самое себя».

Проза Яшина учит нас смотреть правде в глаза, внимать тем «сигналам», которыми предупреждает нас писатель об опасности для страны, чтобы мы помнили, что опасными на самом деле являются как раз те люди, у которых нет совести...

«Бюро райкома» написано в очень важный период творчества писателя и истории нашей литературы, когда совесть в человеке становится мерилем его жизни, труда, когда, пережив свой «переходный возраст», он все делал для того, чтобы и для страны наступил этот «переходный возраст».

Наталья ЯШИНА

Источник: Яшина Н. А. [Предисловие : к публ.] / Н. Яшина // Север. — Петрозаводск, 1988. — № 3. — С. 78-80 : портр.